

© 2000 г. ЭО, № 3

А.В. Гринев

ТУЗЕМЦЫ АЛЯСКИ, РУССКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ: СИСТЕМА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема освоения русскими Нового Света в последнее время привлекает к себе все большее внимание историков, этнографов, журналистов, политиков. Интерес к этой теме подогревается знаменательными юбилеями: 500-летием открытия Америки Христофором Колумбом (1492 г.), 250-летием открытия Аляски второй Камчатской экспедицией Беринга – Чирикова (1741 г.), наконец, 200-летием образования Российско-Американской компании (РАК), под контролем которой с 1799 г. находились колонии России в Новом Свете. В связи с памятными датами появились многочисленные газетные заметки и очерки, статьи в научных журналах и сборниках, коллективные монографии, сборники документов. Однако, несмотря на все обилие публикуемых материалов до сих пор остается открытым такой важный вопрос, как сущностный характер российской колонизации Аляски.

Очевидно, что характер каждого конкретного колониального процесса определяется в первую очередь совокупностью ряда таких основополагающих факторов, как социально-экономическое состояние метрополии, специфика природной среды колонизируемой территории, особенности туземного населения и, наконец, направленность хозяйственного развития самих колоний. Так, даже английская колонизация Северной Америки, осуществлявшаяся из единой метрополии, дала два основных типа освоения новых земель, которые можно условно назвать «земледельческим» и «торгово-промышленным». Первый преобладал в районах Североамериканского материка, пригодных для земледелия, а второй – на нынешнем Канадском Севере (севернее французских колоний) и в районе подвижной границы (фронтира), предшествуя более основательной земледельческой колонизации на юге. Соответственно и отношение к аборигенам в обоих случаях было различным. При земледельческой колонизации индейцы отеснялись на Запад, истреблялись, загонялись в резервации или ассимилировались (особенно на Восточном побережье со стороны как белых, так и негров). При торгово-промышленном освоении новых земель англичане были заинтересованы в них как в поставщиках пушнины и торговых посредниках. Поэтому на северных территориях, контролировавшихся Компанией Гудзонова залива, ее агенты стремились поддерживать с индейцами и эскимосами исключительно мирные отношения. Еще в большей степени это было характерно для французских колоний Канады: на протяжении десятилетий колонизация поддерживалась в значительной мере именно пушным промыслом и торговлей.

Однако характер любого типа колонизации зависит не столько от специфики контактов с туземцами или от климатических особенностей осваиваемых территорий (хотя это весьма важные факторы), сколько от уровня и особенностей социально-экономических отношений, складывающихся в колониях того или иного государства. Что же представляли собой в этом плане российские колонии в Новом Свете?

В дореволюционной историографии объективный публичный анализ этого вопроса был почти немислимым делом: он мог привести к малоприятным для царского режима

выводам. Максимумом допустимого была критика частных, например, обличение грабительского характера Российско-Американской компании, что наиболее ярко проявилось в публицистической работе С.С. Шашкова¹.

Не проявляли интереса к этой теме и зарубежные исследователи как в прошлом, так и в настоящем, хотя, естественно, совсем по другой причине. В подавляющем большинстве они занимались изучением конкретных вопросов российской колонизации или составляли обзорные монографии по истории Аляски, весьма скептически относясь к теоретическим обобщениям и выводам, рассматривая их как псевдонаучные спекуляции. Если они и затрагивали проблемы социально-экономической специфики российской колонизации, то в основном предпочитали их простое описание или цитирование официальных документов². Следует сказать, что подобную позицию разделяли и некоторые крупные отечественные специалисты по истории и этнографии Русской Америки, критически воспринимавшие догмы официально господствовавшей в советской науке марксистской идеологии³.

Тем не менее, первые попытки теоретического осмысления характера российской колонизации Нового Света в советской историографии относятся еще к довоенному периоду. Так, академик Б.Д. Греков в предисловии к монографии С.Б. Окуня отмечал, что русские колонии на Аляске при посредничестве РАК попадали в зависимость от русского капитала, т.е. российская колонизация была капиталистической⁴. Этой же точки зрения придерживался и сам С.Б. Окунь, считавший колонизацию порождением развивавшегося в России буржуазного строя, в авангарде которого находилось предприимчивое сибирское купечество⁵. Правда, он одновременно писал в своей монографии о фактически рабском труде туземцев, подчиненных Российско-Американской компании. Какой строй возникал в колониях в результате взаимодействия капиталистических и рабовладельческих тенденций, он не уточнил. Но именно С.Б. Окунь первым показал принципиальную схожесть системы эксплуатации туземцев в русских и испанских колониях в Новом Свете⁶. Значительно позднее А.А. Истомин в своей емкой заметке расширил круг аналогий, наблюдавшихся между испанской и русской колонизацией⁷. Однако и он, как и его предшественник, так и не решил фундаментальной проблемы: почему возникло это сходство и какой строй сформировался в американских колониях Испании и России? В нашей статье, опубликованной на страницах «Этнографического обозрения» в 1996 г., была сделана попытка ответить на этот вопрос⁸, однако из-за ограниченного объема статьи подробное освещение всех особенностей социально-экономических отношений, сложившихся в Русской Америке, оказалось невозможным. Данная работа ставит своей целью хотя бы частично компенсировать этот пробел.

Актуальность темы заключается также и в том, что в отечественной историографии продолжает оставаться популярным тезис о капиталистическом характере российской колонизации⁹. Об этом свидетельствует, например, недавняя публикация статьи проф. Г.А. Аграната «Судьбы Русской Америки»¹⁰. Сетя на недостаточную изученность социально-экономических отношений в Русской Америке, сам он, правда, не дает четкого ответа на поставленный вопрос. Из его отрывочных рассуждений следует, что в Русской Америке, видимо, существовал капитализм в его ранних проявлениях. В своей предыдущей работе А.Г. Агранат более определенно высказывался на эту тему: по его мнению, на Аляске в период Русской Америки постепенно развивались элементы промышленной (!) капиталистической колонизации¹¹.

Все это заставляет еще раз обратиться к более детальному анализу социально-экономических отношений в русской Америке после образования РАК, тем более, что, по мнению А.Г. Аграната, именно с этого рубежа начинается принципиально иной период существования русских колоний на Аляске, когда жестокие черты предыдущей эпохи первоначального накопления капитала были значительно смягчены, а отношения с туземцами стали гораздо более гуманными.

К 1799 г., т.е. к моменту создания Российско-Американской компании, русские колонии располагались на Алеутских островах, Южной и Юго-Восточной Аляске с

центром на о-ве Кадык (в 1808 г. колониальный центр был перенесен в Ново-Архангельск на о-ве Баранова). С 1802 г. российские владения в Америке возглавил, за исключением Атхинского отдела, возведенный в коллежские советники бывший каргопольский купец Александр Андреевич Баранов. Еще в 1790 г. он был принят на службу и отправлен в колонии знаменитым Г.И. Шелиховым – основателем первого русского поселения на о-ве Кадык¹².

Основой экономики Русской Америки на протяжении всей истории ее существования был пушной промысел, и в первую очередь добыча калана, шкурки которого шли затем на китайский рынок в обмен на чай. Именно в погоне за беспощадно истребляемым каланом русские промышленники или «промышленные», как их тогда именovali, принадлежавшие различным купеческим компаниям, продвигались с Камчатки все дальше на восток вдоль гряды Алеутских островов, пока во второй половине XVIII в. не достигли Североамериканского материка. В ходе этой экспансии они покорили алеутов и эскимосов *кониагмиутов* (*кониагов*, *кониаг*), населявших Кадык, принуждая их платить ясак в царскую казну и добывать каланов для самих промышленников в формировавшихся специально для этого байдарочных флотилиях – так называемых «партиях». Затем были подчинены населявшие залив Кука индейцы *танаина* (*кенайцы*) и эскимосы *чугачи*, обитавшие по берегам и островам залива Принс-Вильям. Далее вектор русской колонизации сместился на юго-восток и пролегал вдоль богатого каланом северо-западного побережья Америки, где в 1799 г. А.А. Баранов заложил крепость на о-ве Ситха (о-в Баранова).

В этом же году из нескольких ранее соперничавших купеческих компаний была образована РАК, получившая от царского правительства исключительное право на пушной промысел и торговлю на Аляске и островах Тихоокеанского Севера. Хотя сама РАК явилась результатом естественного капиталистического развития, ведущего к монополии, в ее создании в полной мере воплотились особенности социально-экономического и политического развития России того времени. Возникновение монопольной компании как нельзя лучше отвечало интересам тоталитарного Российского государства, которое было заинтересовано в подконтрольности колонизации Нового Света, упорядочении эксплуатации коренного населения и природных богатств Аляски. Кроме того, монополия полностью соответствовала политарному строю, который существовал в тогдашней России. Наконец, единая сильная организация позволяла царизму эффективнее решать вопросы как собственной экспансии, так и противодействия иностранным державам в северной части Тихого океана. Это не в меньшей степени соответствовало также чаяниям русских купцов, добивавшихся устранения зарубежных соперников в пушной торговле нередко под прикрытием ура-патриотической риторики (непревзойденным мастером в этом деле был Г.И. Шелихов).

Итак, сочетание интересов отечественных предпринимателей и государственной бюрократии привело к их симбиозу в виде Российско-Американской компании. Формально она явилась частной коммерческой организацией, но реально представляла собой своеобразное ответвление государственного аппарата. Причем по мере эволюции компании процесс ее огосударствления постепенно нарастал. Так, начиная с 1818 г. все главные правители Русской Америки назначались исключительно из состава офицеров императорского Военно-Морского флота, хотя были призваны управлять делами формально независимой торговой компании.

Фактически служба в РАК приравнивалась к государственной. Об этом прямо говорилось в Уставе компании, утвержденном царским правительством в 1844 г. В нем указывалось, что люди, «кои принадлежат к сословиям, имеющим право вступать в службу, состоя на службе компании, считаются в действительной государственной службе и пользуются правом производства в чины и ношения мундира министерства финансов»¹³. На министра финансов был возложен «бдительный надзор» за деятельностью компании как в колониях, так и в метрополии. Да и само руководство РАК прекрасно отдавало себе отчет в своей подлинной функции. «Действия Компании, – подчеркивалось в документах руководства, – тесно сопряжены с пользами

Государства и что по сей единой уже причине служение Компании есть служение Отечеству»¹⁴. Более того, сам император Александр I и ряд его высших сановников вступили в число акционеров компании. Покупка ее акций рассматривалась правительством как патриотический акт и общественный долг¹⁵.

Конечно, было бы упрощением представлять РАК в виде простого инструмента государственной власти. Во-первых, компания имела собственную, независимую от казны экономическую основу – движимое и недвижимое имущество и финансовые средства. Правда, эта собственность носила подчиненный характер по отношению к государственной, а сама компания выступала в роли временного арендатора территорий Русской Америки. Во-вторых, как и любые другие организации, ведомства и министерства империи, РАК имела свои собственные интересы и устремления, которые далеко не всегда совпадали со взглядами правительства или потребностями общества. Впрочем, иногда возникавшие ситуации скрытого конфликта разрешались, как обычно в России, волевым решением высших инстанций, стоявших на страже общегосударственных интересов.

Тесная связь с государством и собственное монопольное положение РАК в Русской Америке самым непосредственным образом сказались на специфике социально-экономических отношений в заокеанских колониях России. Для того чтобы лучше разобраться в этом вопросе, необходимо начать с анализа положения различных групп трудоспособного населения колоний и форм эксплуатации последнего.

Хотя владения империи в Новом Свете именовались «русскими колониями», самих русских там было всегда абсолютное меньшинство, даже в контролируемых ими районах, не говоря уже о всей территории современного штата Аляска. Поэтому именно туземцы, а не выходцы из России, являлись основной рабочей силой РАК.

Туземное население Русской Америки не было однородным ни в этническом, ни в социально-экономическом отношении. В начале XIX в. оно разделялось на две большие группы. Первую составляли туземцы, зависимые от РАК и жившие под контролем русских военно-торговых и административно-хозяйственных поселений или непосредственно в них. Это были алеуты и эскимосы Южной Аляски (конягмиуты и чугачи), а также индейцы танаина. Во вторую группу входили туземцы, независимые от компании. С теми из них, кто обитал у границ территорий, контролируемых русскими, РАК поддерживала торговые отношения, а изредка нанимала для работ.

Зависимое туземное население подразделялось в свою очередь еще на ряд групп, различных по своему социально-экономическому положению. В самом низу социальной лестницы находились так называемые *каюры*. Это была наиболее угнетенная и бесправная часть населения Русской Америки: несчастное положение каюров современные исследователи сопоставляют с положением рабов. Многие из них действительно первоначально были рабами, выкупленными или отнятыми русскими у туземных вождей. Сословие каюров пополняли также сироты, преступники, а иногда и заложники-*аманаты*.

Наряду с «компанейскими» каюрами, работавшими на РАК в целом, у приказчиков и некоторых промышленников были своего рода «личные» каюры, служившие им в качестве прислуги. Последние, однако, не принадлежали им в полной мере, т.е. не превратились в настоящих рабов, поскольку продолжали считаться собственностью компании. Впрочем, каюрство как социально-экономический институт вообще не было оформлено юридически государством. Каюров нельзя было купить и продать, можно было только распоряжаться ими, направляя на те или иные принудительные работы.

Каюры – мужчины и женщины – были заняты самым тяжелым и грязным трудом: они добывали и перерабатывали рыбу, рублили и носили дрова, служили гребцами на байдарках и т.п. Их наиболее важными функциями являлись заготовка продовольствия, производство туземной одежды (парок и камлей) из шкурок сусликов-еврашек, птиц и кишок тюленей и моржей, а также промысел морских птиц и добыча капканами лис и песцов. За свой нелегкий труд каюры не получали ничего, кроме скудной одежды и пищи. Видный деятель РАК Н.П. Резанов, побывавший в Русской Америке в 1805–

1806 г., писал: «Пища каюрам и каюркам производится от Компании, но ими же самими для себя и для русских заготавливается, впрочем, ежели взять во уважение, что на добываемые ими еврашечьи и птичьи парки вымениваются у Американцев (туземцев. — А.Г.) мягкая рухлядь (пушнина. — А.Г.), также и на камлеи и торбаса... производится торговый оборот, то не только они в год содержанием своим Компании ничего не стоят, но еще великую прибыль приносят»¹⁶. И с этим трудно не согласиться. Например, в награду за ловлю еврашек на о-ве Укамок каюрам давали два раза в неделю лишь понюхать табака. Даже в случае увечья (хромота, потеря руки и т.п.) их привлекали для легких работ — гонять ворон при просушке рыбы, поддерживать огонь и т.д. Ни болезнь, ни старость не могли служить оправданием отказа от работ. Лишь полная недееспособность или выкуп родственниками мог избавить каюра от тяжелых трудов на компанию¹⁷.

Как уже говорилось, каюры находились на положении рабов Российско-Американской компании. Однако это не было рабство «античного типа», когда имелось множество частных рабовладельцев, абсолютных и полных собственников своих рабов. В Русской Америке наблюдалась иная ситуация: здесь коллективным, единым рабовладельцем выступала РАК, а посредством ее — государство. Это положение необходимо особо подчеркнуть для понимания истинного характера русской колонизации в целом.

Любопытно отметить, что несмотря на всю выгоду, получаемую от труда каюров, РАК не стремилась чрезмерно расширять эту категорию зависимых работников. Их численность в начале XIX в. составляла примерно восьмую — десятую часть от всего трудоспособного туземного населения колоний или около 500–800 чел. Причина заключалась отнюдь не в гуманизме компании, а в том, что основную часть прибыли она получала от добычи калана «вольными алеутами» с помощью байдарочных флотилий. Каюрам же следовало лишь обеспечивать продовольствием, сырьем и одеждой бесперебойное функционирование промысловых партий и артелей промышленников. Привлекать же самих каюров к зверобойному промыслу было нецелесообразно (хотя некоторые из них и ездили «в партию»), поскольку у них совершенно отсутствовала заинтересованность в труде, а наладить за ними контроль на дальних промыслах было чрезвычайно трудно; кроме того, существовала реальная опасность их побега. Сказывалось также нежелание администрации РАК подвергаться критике со стороны гуманно настроенных морских офицеров, путешественников и миссионеров за жестокое обращение с туземцами. Ведь за подобное отношение к вверенному компании туземному населению колоний государство могло не продлить на новый срок привилегии РАК, а это было чревато потерей монопольных сверхприбылей.

Как социально-экономический институт каюрство просуществовало до начала 1820-х годов, когда оно было упразднено колониальным начальством. Для этого имелись несколько причин. Одной из главных стал упадок добычи калана, вследствие его беспощадного истребления и, следовательно, сокращение промысловых флотилий, которых каюры должны были снабжать всем необходимым. РАК в этот период активно переориентируется на Север и в глубинные районы материка, богатые речным бобром. На первый план выходит неэквивалентная торговля с внутриматериковыми индейцами и эскимосами. Необходимость в рабском труде каюров отпадает сама собой. Кроме того, острая критика со стороны прогрессивно мыслящих современников заставила царское правительство и руководство РАК отказаться даже от упоминания «каюров» в новых «Правилах» (уставе) компании, принятых в 1821 г. Наконец, назначение на пост главного правителя Русской Америки просвещенных и достаточно гуманно настроенных морских офицеров немало содействовало облегчению участи туземного населения. Элементы грубого внеэкономического принуждения отходят на второй план и заменяются патерналистской политикой «опеки» коренного населения со стороны колониального начальства. Именно с этого времени, а не с начала образования РАК, как считает Г.А. Агранат, русская колонизация действительно приобретает относительно гуманные черты в отношении туземцев Русской Америки.

Таким образом, меха доставались компании фактически даром: ведь труд каюров ей почти ничего не стоил. Закабаленные «вольные» туземцы вынуждены были идти на такой по сути дела грабительский обмен, поскольку, отвлеченные на промыслы РАК почти на весь период летнего охотничьего сезона, они часто не успевали заготовить для себя на зимовку даже рыбу, не говоря уже о шкурах животных и птиц, необходимых для изготовления теплой одежды и байдарок, без которых охотник Субарктики просто не мог обойтись.

Стоит ли говорить, что такое специфическое «разделение труда» было для компании крайне выгодно. Оборотной стороной медали была полная нищета местного населения, голод и высокая смертность. Неслучайно вплоть до 1820-х годов численность зависимых туземцев постоянно падала. Этот демографический показатель объективно свидетельствовал о сверхэксплуатации коренного населения колоний.

В начале XIX в. к работам компании привлекалось практически все трудоспособное туземное население колоний. В то время как основная масса мужчин находилась на дальних промыслах, оставшиеся дома старики, женщины и подростки обязаны были вносить оброк в пользу РАК в виде поставок определенного количества птичьих шкурок, мехов лисиц и выдр, корзин, наполненных съедобными клубнями или ягодами. Так, каждому остававшемуся дома туземцу полагалось доставить компании не менее 250 птичьих шкурок, из которых женщины шили парки (на одну выходило около 35 шкурок, т.е. оброк составлял 7 парок). Охотнику, добывшему штатное число шкурок, выдавалась одна парка (это и была плата за его труды), а вместо нее приказчик РАК требовал добыть пять лисиц или выдр. Злостные должники могли быть обращены в каюров. Да фактически они и находились на положении каюров, только временных – на период промыслового сезона²³.

Эксплуатация коренного населения колоний носила столь вопиющий характер, что даже в условиях тогдашней царской России вызывала открытое порицание со стороны многих современников. Правительство решило положить предел дальнейшим злоупотреблениям компании и в «Правилах» РАК от 1821 г. четко определило обязанности «оседлых инородцев» (так в документе обозначили зависимое туземное население) в отношении РАК. Теперь на промыслы компании предстояло отряжать только 50% мужчин-туземцев от 18 до 50 лет на срок не более 3 лет. При этом колониальное начальство обязано было следить, чтобы в каждом семействе оставалось хотя бы по одному взрослому работнику «для пропитания жен, детей и слабых». Отправляемых на промыслы компания должна была снабжать всем необходимым за свой счет и производить оплату за добытую пушнину по строго установленной таксе. Туземок разрешалось привлекать к работам только с их согласия и за плату. «Правила» милостиво позволяли туземцам, не находящимся на «компанейской службе», добывать для себя пропитание в окрестностях своих селений, но отлучаться даже в соседние районы им запрещалось «без особого на то дозволения колониального начальства»²⁴. Другими словами, зависимое туземное население было юридически закрепощено. Такая ситуация сохранялась фактически вплоть до продажи Аляски США в 1867 г. Лишь 14 июня 1865 г. Государственный совет империи постановил утвердить в новом уставе РАК параграф, в котором предусматривалась отмена обязательного труда «алеутов» в пользу компании. На заседании Госсовета 14 марта 1866 г. это положение было подтверждено²⁵.

Несмотря на то, что с 1821 г. РАК имела право привлекать к своим работам не более половины «вольных алеутов», на практике все обстояло совсем иначе. Уже упоминавшийся Ф.П. Врангель доносил Главному правлению в Петербург, что он и его предшественники вынуждены были идти на нарушение постановления правительства, поскольку избавление даже половины туземного населения от трудов на компанию могло существенно подорвать благополучие РАК. «Переменить сие, – писал он, – значило бы остановить промышленность (добычу мехов. – А.Г.) и нанести Компании величайший вред». Поэтому в летний трудовой сезон, по признанию самого Врангеля, в туземных селениях оставалась едва ли пятая часть всего населения²⁶. Но

может быть почти всеобщий труд на компанию был выгоден для самих «вольных алеутов»? Совсем нет. Путем нехитрого подсчета Ф.П. Врангель пришел к выводу, что, например, в 1833 г. каждый коренной житель о-ва Кадьяк (кроме малолетних) получил за труды на РАК в среднем всего по 10 руб. 18 коп. «Правлению известно, – продолжал Врангель, – что и природную одежду свою, птичьи и еврашечьи парки, и кишочные камлеи и торбасы Алеуты должны **покупать** (подчеркнуто Врангелем. – А.Г.) у Компании; также цены, по коим сии статьи и прочие товары (сукна, холст, порох и проч.) в Колониях продаются, Главное Правление в подробности знает; следовательно оное не затруднится в разрешении вопроса: может ли Алеутское семейство на Кадьяке обеспечить себя в главнейших нуждах, получая в год по 20 руб. 36 копеек?» В связи с этим главный правитель убедительно рекомендовал руководству компании поднять таксу на меха, приобретающиеся у «вольных алеутов»²⁷. Директора РАК согласились с его аргументами, и в 1836 г. такса за некоторые сорта пушнины, получаемой от зависимых туземцев, была увеличена в 1,5 раза²⁸.

Но и после того, как в 1850 г. таксу повысили вновь, положение «вольных алеутов» оставалось незавидным. Ревизор деятельности РАК С.А. Костливцов писал в начале 1860-х годов: «Трудясь всю жизнь усиленно и весьма часто, по роду самих промыслов, с опасностью для жизни, можно было бы надеяться, что алеуты, если не все богаты, то, по крайней мере, живут в довольстве, обеспеченные всем необходимым. Но, к сожалению, в действительности представляется совершенно противное...»²⁹. Наблюдательный чиновник очень точно выразил суть эксплуатации зависимых туземцев: «Служба Алеут Компании заменяет исполнение других государственных повинностей»³⁰. Другими словами считалось, что работая на РАК, туземцы фактически служили государству.

Хотя все зависимые туземцы обязаны были трудиться на компанию, существовали некоторые различия, обусловленные хозяйственно-культурными особенностями местных жителей, экологией, а также степенью контроля русских над теми или иными группами туземцев. Так, хотя эскимосы чугачи участвовали в промысловых партиях наравне с кадьякцами, их жены должны были трудиться на компанию гораздо меньше, чем туземки на Кадьяке. Индейцы танаина, будучи по культуре внутриматериковыми охотниками, были плохими байдарочными ездоками и потому редко посылались для добычи калана. Зато каждому индейцу следовало платить оброк, добывая для РАК оленей, куниц, бобров и других сухопутных животных. В летний сезон их посылали с русскими товарами для вымена мехов у соседних племен. Дальние торгово-охотничьи экспедиции были трудным и опасным занятием, не уступавшим тысячекilометровым байдарочным походам, и множество индейцев погибло в пути от голода, холода, столкновений с дикими животными и враждебными племенами.

Разумеется, заставить людей трудиться почти даром, да еще нередко с риском для жизни, компания могла только используя методы внеэкономического принуждения. Так, побывавший в начале XIX в. в русских колониях иеромонах Гедеон писал: «[В] 1801 год компания выгоняла алеутов в ситхинскую партию для бобрового промысла следующим образом. Наделав прежде колодок на ноги и накладных рогаток на шею, изготовя для молодых розги, для тридцатилетних линьки, а для стариков палки, отправлена была байдара с пушкою и ружьями. На западном мысе Кадьяка по выходе на берег промышленные русские стали во фронт с заряженными ружьями, говоря: “Ну! Если не едете в партию, сказывайте (наводя курки), стрелять станем”. При таковом страхе кто может обнаружить свое неудовольствие? По приходе к острову Ситхинок выпалили из пушки и, стоя с заряженными ружьями, расклали подле жил (жилищ. – А.Г.) розги, линьки, колодки и рогатки, говоря: “Кто не хочет ехать в партию, тот пусть себе избирает любое”. В сие время некто начал отговариваться, вдруг его схватили, обложили железными кандалами, секли до тех пор, пока захрипел и едва мог сказать: “Еду”»³¹.

Подобные свидетельства, равно и все вышесказанное, не оставляют камня на камне от концепции об особом «гуманизме» (и «прогрессивности») российской

колонизации, весьма популярной в отечественной историографии до настоящего времени³². Так, например, в недавней статье А.А. Истомина пишет: «Необходимо заметить, что для русского колониализма в Америке в его “зрелый период” (с начала XIX в.), – после того как сопротивление аборигенов на островах было полностью подавлено, – было вообще характерно стремление избегать конфликтов с “алеутами” и, не меняя характер эксплуатации, всячески смягчать отношения русских с аборигенами на микросоциальном уровне, придавая им вид партнерства, товарищества»³³.

Правда, далее автор оговаривается, что встречающиеся в официальных инструкциях запреты на произвол в отношении туземцев свидетельствовали как раз об обратном. С этим трудно не согласиться. Стереотипные формулировки официальных инструкций колониальной администрации, требовавшей «ласково» обходиться с подчиненными туземцами, были своего рода бюрократическим ритуалом, призванным при необходимости отвести от себя обвинения в злоупотреблениях и обелить свою деятельность в глазах «вышнего начальства».

По крайней мере, в начале XIX в. вряд ли можно говорить о «партнерстве» и «товариществе» между русскими и «алеутами». Более того, посетивший Русскую Америку одновременно с Гедсоном немецкий натуралист Г.Г. фон Лангсдорф считал, что положение алеутов в русском колониях было хуже, чем негров-рабов в Бразилии, поскольку тех частные хозяева покупали за большие деньги и поэтому заботились об их жизни и здоровье³⁴. В целом это было верное наблюдение, так как зависимые туземцы являлись фактической собственностью государства (при посредничестве РАК), и у промышленников и приказчиков компании не имелось большой заинтересованности в их благосостоянии и жизни. Лишь начиная с 1820-х годов, уже после значительного сокращения численности зависимых туземцев и упорядочения деятельности РАК, ситуация начала изменяться к лучшему.

Заканчивая обзор социально-экономических отношений между РАК и туземцами, справедливости ради надо сказать, что незначительное число их действительно добровольно нанималось к русским за определенную плату. Чаще всего это были представители независимых племен, выполнявших какие-нибудь разовые поручения компании (например, нанимались проводниками). Но их труд не играл заметной роли в экономике Русской Америки, тем более, что независимые туземцы в целом находились вне социальной структуры российских колоний. Для РАК вольнонаемный труд был, по понятным причинам, не очень выгоден, и Главное правление компании специально предписывало А.А. Баранову иметь на службе за плату не более 100–120 местных жителей³⁵.

Зависимые туземцы составляли основание социальной пирамиды российских колоний. Выше располагались так называемые креолы – потомки от смешанных браков русских с туземными женщинами. Их численность к 1820-м годам составила уже несколько сот человек и правительство больше не могло игнорировать такую крупную и быстрорастущую группу колониального населения. Поэтому в «Правила» РАК был введен § 41, в котором креолы причислялись к мещанскому сословию. По ходатайству Главного правления компании они не облагались никакими государственными податями и повинностями, но обязаны были служить РАК в течение 10–15 лет за небольшое фиксированное жалованье, отрабатывая ее затраты на их воспитание и образование³⁶. После этого креолы считались «вольными», если не имели никаких долгов перед компанией. Но их «вольность» не устраивала РАК, поскольку последняя постоянно нуждалась в квалифицированных рабочих руках. Реализовать свой интерес компании помогала долговая кабала – излюбленный метод экономического принуждения. Закабаление креолов облегчалось монопольным положением компании как единственного работодателя и поставщика европейских товаров для населения колоний.

Впрочем, помимо чисто экономических рычагов при необходимости могли быть задействованы и иные. Директоры компании прямо писали об этом главному правителю колоний в 1824 г.: «Чтоб они (креолы. – А.Г.) вступали наиболее в службу

Компании для своего пропитания и счастья (! – А.Л.), должно колониальное начальство употребить власть свою, основанную на благоразумии и справедливости...»³⁷. Этот пассаж Главного правления по своей сути весьма напоминает лозунг, повешенный спустя 100 лет на воротах Соловецкого лагеря: «Железной рукой загоним человечество к счастью»³⁸. В случае упорного нежелания креолов прислушаться к «внушениям» колониальной администрации, Главное правление готово было ходатайствовать перед правительством о наказании «недостойных», «дабы из сего сословия людей не произвести на будущее время революционеров»³⁹. Излишне говорить, что прослыть в царской России революционером было почти равносильно получить клеймо «врага народа» в сталинском СССР.

Обличая эксплуататорскую сущность РАК, С.Б. Окунь полагал, что она с помощью долговой кабалы низводила креолов до положения рабов⁴⁰. Это все же явное преувеличение, тем более, что сам С.Б. Окунь пишет о возможности креолов иметь собственное хозяйство⁴¹. Кроме того, РАК платила им жалованье. Многие из креолов, получив образование (некоторые даже в Петербурге), прочно заняли места в низшем и среднем слоях колониальной администрации, а единицы дослужились до офицерских погон (например, А.Ф. Кашеваров получил чин генерал-майора). И все же в целом экономический статус креолов был ниже, чем русских. Так, в 1820-е годы минимальное жалованье креола составляла сумма 100 руб. в год, в то время как русские промышленники получали не менее 350 руб.⁴²

Русские или, точнее, выходцы из метрополии, занимали господствующее положение в колониях. Правда, положение простых русских промышленников было двойственным. С одной стороны, они участвовали в эксплуатации зависимых туземцев, пользуясь их услугами или результатами их труда либо непосредственно (часто за символическую плату), либо через посредничество РАК, получая от компании одежду и продукты, созданные руками туземцев (в первую очередь каюров). С другой стороны, сами промышленники были объектом эксплуатации РАК. Известный мореплаватель И.Ф. Крузенштерн довольно точно отразил сложившуюся в колониях ситуацию: «Всякий промышленник, хотя сам совершенный раб приказчика компании, может тиранить природного американца и островитянина без малейшего за то взыскания»⁴³.

В начале деятельности РАК в эксплуатации русских промышленников причудливо сочеталась долговая кабала с капиталистическими отношениями вольного найма и долевого участия в общих прибылях компании. Так, с одной стороны, «работные люди» были, как правило, наемными должниками РАК, а с другой – состояли на «полупаях», т.е. имели право на получение мехов из общей массы добытой пушнины, разделявшейся раз в 4 года сначала на равные доли – паи, из которых затем половину получал промышленник, а другая половина шла компании. Эта так называемая полупаяевая система являлась своеобразным пережитком существовавших до того раннекапиталистических отношений в пору деятельности мелких купеческих компаний на Алеутских островах.

Если следовать логике А.Г. Аграната о капиталистическом характере российской колонизации, то эти отношения должны были бы только укрепиться после образования РАК. Однако вместо «триумфа капитализма» наблюдался как раз его закат. Причиной стала тотальная монополия РАК. Пользуясь отсутствием конкурентов, компания сначала заставила промышленников получать на свои паи деньги, а не пушнину, полностью сосредоточив ее в своих руках, а с 1818 г. окончательно перевела «работных» на жестко фиксированную заработную плату, которая позволяла вести весьма скромный образ жизни. Ведь единственным поставщиком товаров и продовольствия в колонии была все та же РАК, неизменно завышавшая цены на привозные вещи и продукты, часто весьма низкого качества. Посетивший Русскую Америку в начале 1860-х гг. ревизор С.А. Костликов свидетельствовал: «Готовые платья и обувь для простого народа, дурным качеством своим, превышают всякое вероятие, так что сапог достает лишь на несколько дней, а суконного платья не более как на два месяца»⁴⁴.

С переводом на фиксированную зарплату русские промышленники окончательно превратились из некогда хотя бы частично самостоятельных охотников на пушного зверя в долговых наемных рабочих. Впрочем, еще до образования РАК они уже почти не занимались промыслом зверя, а выполняли функции строителей, ремесленников, охранников, надсмотрщиков на промыслах или торговцев на границах русских колоний. После создания компании они попали в полную экономическую зависимость от всемогущего «кредитора», позиции которого усиливала связь с государственными структурами. Положение их в этот период было настолько тяжелым, что И.Ф. Крузенштерн с возмущением писал: «Если бы все вступающие в службу компании промышленники были одни негодяи, ни мало о себе не думающие, то и в таком случае человечеству, общая и частная польза требовали пешица о сохранении их здоровья и жизни»⁴⁵. И хотя позднее положение «рабочих» несколько облегчилось благодаря улучшению снабжения колоний и получению постоянного продовольственного пайка, но и тогда их заработки не могли идти ни в какое сравнение с доходами колониальной администрации и Главного правления РАК в Петербурге. Так, в 1830 г. основная масса русских рабочих имела годовой оклад 350–400 руб., в то время как жалованье главного правителя составляло 30 000 руб.⁴⁶

Итак, в Русской Америке царила жестокая эксплуатация (особенно туземцев) и существовала весьма сложная система экономических отношений. Какой же строй существовал в колониях? Рабовладение? Феодализм? Или, возможно, как настаивает Г.А. Агранат, капитализм? Ни то, ни другое и ни третье. Строй, возникший в Русской Америке, можно назвать «колониальным политаризмом». Термин «политаризм» произошел от греческого слова «полития» – государство. Соответственно «политаризм» – это строй, основанный на примате верховной частной собственности государства, причем не только на основные средства производства (включая землю), но, что особенно важно, и на личность непосредственного производителя⁴⁷. В Русской Америке государство просто делегировало часть своих полномочий РАК, монополизировав деятельность компании.

Именно политаризм, а не феодализм, как принято считать, господствовал в то время в России при наличии, правда, элементов феодального и капиталистического экономических укладов⁴⁸. Он-то и был воспроизведен, хотя и в весьма специфическом виде, в Русской Америке. Через призму политаризма становятся понятны многие особенности русской колонизации Нового Света. Благодаря почти тотальной монополии РАК (как проводника верховной государственной власти) в русских колониях в качестве ведущих утвердились распределительные, а не рыночные отношения (для развития последних необходимо наличие самостоятельных собственников). Перераспределение произведенного продукта носило строго централизованный характер в виде обязательной сдачи всей добытой пушнины РАК и возмещения в виде продуктов, одежды, средств производства и т.д. со стороны собственника-распорядителя⁴⁹.

Неизбежным следствием монополизации собственности и управления были директивное планирование и бюрократизм. Например, главный правитель русских колоний периодически назначал так называемые запуски – запреты на охоту в течение нескольких лет на определенной территории с целью восстановления популяции пушных зверей. Ежегодно планировалась летняя навигация колониальной флотилии РАК, отправление охотничьих партий, их маршрут и т.п. Все это отражалось в инструкциях, наставлениях и предписаниях колониальной администрации. В них до мельчайших деталей определялся каждый шаг подчиненных. Доходило до смешного. Так, в своем «отношении» Атхинской конторе РАК от 12 апреля 1835 г. за № 47 главный правитель писал: «В разрешение донесения Конторы за № 51, касательно 3-х чернобурьх лисиц, доставленных Тоеном Дедюхиным с острова Амли и убившихся сами собою при падении с утесов. – Поручаю Конторе полагать одинаковую плату за упавших с утесов зверей, как и за прочих, иначе добываемых»⁵⁰. Сама контора была не вправе решить столь «сложный» вопрос.

При отсутствии рынка и независимой судебной власти, которые выступают важнейшими регуляторами экономических отношений в обществах с господством частной собственности (в рабовладельческой, феодальной, капиталистической формациях), при политаризме их функцию выполняют жалобы, прошения и доносы. О.Э. Бессонова, обратившая внимание на этот феномен, отмечает, что жалобы представляли собой заметное явление российской культуры в раздаточной системе (как она именуется политаризм) и играли важную роль обратной связи. Это был сигнальный и корректирующий механизмы российской экономики. При этом минимизация жалоб выступала критерием профессионализма управляющих разных уровней раздаточной системы. Реакция последней на превышение критического порога жалоб заключалась обычно в изменении норм сдачи, выделения ресурсов, смены руководства, раздачи обещаний улучшить положение дел⁵¹. Это имело место и в метрополии и в колониях. Немало управляющих промысловыми артелями и даже целыми отделами лишились своих постов из-за жалоб подчиненных. Например, в 1845 г. вследствие многочисленных жалоб эскимосов-чугачей был смещен начальник Константиновского редута Наумов⁵².

Тотальный монополизм, т.е. отсутствие конкуренции самостоятельных товаропроизводителей, с неизбежностью порождал низкое качество продукции. Поэтому основная продукция российских колоний – пушнина – при исходном высоком качестве теряла его в процессе неумелой, торопливой и небрежной обработки, что являлось следствием незаинтересованности работника в результатах своего труда, упора на количественные показатели, отсутствия конкуренции. Неслучайно основным рынком сбыта мехов РАК был Китай и Россия, в которых потребители не предъявляли высоких претензий к качеству продукции. Когда же РАК в 1860-е годы попыталась активно выйти на европейский и американский рынки, ей пришлось столкнуться с постоянными жалобами и рекламациями ее торговых контрагентов на низкое качество обработки шкур⁵³.

Вследствие низкой конкурентоспособности продукции и распределительного характера экономики политарным системам присуще стремление к автаркии и самоизоляции, что легко прослеживается на примере Русской Америки. Дело в том, что внешняя открытость, взаимодействие с рыночными системами способны привести политарные структуры к кризису и гибели. В связи с этим становится понятно то поистине маниакальное упорство, с которым администрация русских колоний пыталась насадить сельскохозяйственное производство на Аляске и Алеутских островах, не считаясь ни с субарктической природой, ни с отсутствием соответствующих трудовых навыков у туземцев, ни с крупными расходами по поддержанию абсолютно нерентабельного хозяйства. Это обстоятельство совершенно не учитывают многие отечественные исследователи, которые, указывая на развитие в Русской Америке земледелия и скотоводства, любят порассуждать об особой «прогрессивности» российской колонизации.

Конечно, в многопрофильном хозяйстве был положительный аспект, связанный с общим подъемом производительных сил. Однако необходимо одновременно пояснять, какие причины порождали именно такое экономическое развитие, какими средствами оно проводилось и чему служило. С этой точки зрения, насаждение сельскохозяйственного производства в русских колониях было вызвано стремлением администрации РАК создать замкнутое самообеспечивающееся хозяйство, чтобы тратить как можно меньше средств на их снабжение продовольствием (это была одна из наиболее болезненных проблем Русской Америки) и свести к минимуму контакты с иностранными торговцами. При этом нельзя не учитывать и бюрократическую психологию руководства компании: бодро рапортуя «вышнему начальству» об успехах земледелия и скотоводства в колониях, оно могло рассчитывать на его (начальства) благосклонность и продление в будущем монопольных прав РАК на новый 20-летний срок. Что касается методов насаждения новых отраслей хозяйства, то они на протяжении нескольких десятилетий принимали форму принудительного труда зависимых туземцев (с 1820-х годов за символическую плату) на компанейских огородах или при

заготовке сена для скота, принадлежавшего РАК. Доходило до того, что в начале XIX в. на Кадьяке распашка земли осуществлялась с помощью местных эскимосов, впряженных, вместо скота, в соху!⁵⁴

Естественно, что подневольный труд зависимых туземцев не отличался большой производительностью. Получая мизерную плату произвольно поставляемыми товарами, они практически не имели стимулов к добросовестной и качественной работе. Постоянные ссылки в документах РАК на феноменальную лень «алеутов» могут быть в значительной мере объяснены элементарным отсутствием мотивации к труду.

Политарные экономические отношения, сложившиеся в российских колониях, отражались и в социальной сфере. Об этом свидетельствует пирамидальная иерархическая социальная система с двумя основными уровнями, характерная как раз для политарных обществ, где существует как бы два больших «суперкласса»: эксплуататоров (как правило, чиновников разных уровней) и эксплуатируемых, представленных простым народом. В России это проявлялось в существовании «податного» и «неподатного» населения (соответственно: крестьян, включая помещичьих, ремесленников, купцов, с одной стороны, и дворян, чиновников, духовенство – с другой). Подушная подать ярко отразила личную зависимость работника от государства, в чьей частной собственности он фактически находился. В Русской Америке «двухклассовая» социальная система трансформировалась по этническому признаку: пришельцы составляли в колониях доминирующую группу, а местные жители – подчиненную. Сами эти группы также имели иерархическую структуру, о чем уже говорилось выше.

Поскольку при политаризме сама личность работника является собственностью государства, это порождает не только внеэкономическое принуждение к труду (в виде обязательного служебного труда в той или иной форме), но и строгий контроль за социальной мобильностью (горизонтальной и вертикальной) работника со стороны начальства. Так, в Русской Америке без санкции главного правителя ни один промышленник не мог быть переведен в соседний отдел или назначен «байдарщиком» – главой промысловой артели. «Я весьма тобою недоволен, – писал 11 мая 1835 г. Ф.П. Врангель байдарщику Ново-Александровского редута Ф. Колмакову, – что ты выслал Лаулина в Ново-Архангельск, и впредь не осмеливайся без особенных важных причин отпускать кого-либо из Русских промышленных, о коих не будет тебе приказано от Начальства»⁵⁵.

Именно политаризм позволяет понять слабость российской колонизации – почти полное отсутствие на Аляске постоянного русского населения. Обычно исследователи связывают это обстоятельство с крайне суровым, неблагоприятным климатом и господством в метрополии крепостного права, мешавших массовой крестьянской колонизации. Да, это важные, но не определяющие факторы. Дело в том, что долгое время в колониях почти не было постоянного русского населения, ибо все податное население Российской империи, в том числе и «вольные» жители посадов и городов, было жестко приписано к соответствующему «обществу» и могло покидать его только по разрешению чиновников на строго определенный срок. Промышленники и «рабочие» получали при помощи РАК государственные паспорта сроком на 7 лет для пребывания в колониях, после чего обязаны были возвращаться на место своей первоначальной «прописки». И хотя позднее РАК удалось добиться возможности продления паспортов, но это принципиально не решило проблему. Лишь в 1835 г. царское правительство официально разрешило селиться в Америке престарелым слушателям компании, женившимся на местных туземках и имевшим там свое хозяйство. Но число таких людей было очень незначительно, да и создание «инвалидных поселений» едва ли могло помочь прочной колонизации края. Кроме того, сама компания не проявляла заинтересованности в значительном притоке людей из метрополии, так как это повлекло бы для нее дополнительные расходы, а создание новых поселений могло помешать сохранению пушных ресурсов на соответствующих территориях. Главную ставку РАК делала на эксплуатацию туземного населения.

Таким образом, общая отсталость социально-экономических отношений и в колониях и в метрополии в конечном итоге обусловили продажу Русской Америки. Дело в том, что политаризм не может соперничать с капитализмом, поскольку не в состоянии обеспечить ни свободы перемещения рабочей силы, ни более высокой производительности труда. Для политаризма характерно в основном простое воспроизводство (в лучшем случае – экстенсивное развитие), ставка на вал, низкое качество, личная незаинтересованность работника в результатах своего труда, его пассивность. Все это очень рельефно проявлялось в российских колониях на Аляске. Бурное развитие капитализма в пореформенной России делало необходимым коренную перестройку социально-экономических отношений и в колониях, к чему РАК была явно не готова, возражая против немедленного освобождения «алеутов» от обязательного труда в свою пользу⁵⁶. Кроме того, в 1840–1860-е годы усиливается экономическая экспансия в Русскую Америку со стороны капиталистических стран – США и Великобритании (торговцы, китобои, контрабандисты). Оба эти фактора подспудно воздействовали на решение царского правительства продать Аляску США в 1867 г. Фигурально выражаясь, «внешний» и «внутренний» капитализм «съел» политарную Русскую Америку.

Примечания

- ¹ Шашков С.С. Российско-Американская компания // Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 632–652.
- ² См., например: *Gzovski V. Russian Administration of Alaska and the Status of the Alaska Natives*. 81-st Congress 2-nd Session Senate, Documents № 152, Library of Congress. Washington, 1950; *Gibson J.R. Russian Dependence upon the Natives of Alaska // Russia's American Colony*. Durham, 1987. P. 77–104.
- ³ Болховитинов Н.Н. Новое мышление и советская американистика: Доклад на заседании Ученого совета ИВИ АН СССР 9 января 1989 г. М., 1989. С. 10–11, 15–17.
- ⁴ Греков Б.Д. Предисловие // *Окунь С.Б. Российско-Американская компания*. М., Л., 1939. С. 4.
- ⁵ *Окунь С.Б.* Указ. раб. С. 14–18.
- ⁶ Там же. С. 181–189, 192–194, 258.
- ⁷ *Истомин А.А.* Америка Испанская и Русская // *Латинская Америка*. 1987. № 6. С. 59–60.
- ⁸ *Гринев А.В.* «Колониальный политаризм» в Новом Свете // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО), 1996. № 4. С. 52–64.
- ⁹ См.: *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. С. 163; *ее же.* Внешняя политика России на Дальнем Востоке: вторая половина XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1974. С. 7, 25; *Дивин В.А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. М., 1971. С. 340 и др.
- ¹⁰ *Агранат Г.А.* Судьба Русской Америки // *США: экономика, политика, идеология*. 1997. № 11. С. 55, 58.
- ¹¹ *Агранат Г.А.* Об освоении русскими Аляски // *Летопись Севера*. М., 1971. Вып. V. С. 182.
- ¹² См. подробнее: *История Русской Америки*. М., 1997. Т. I.
- ¹³ См.: *Устав РАК 1844 г.*, § 8 // *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 2. СПб., 1863. Прилож. С. 12–13.
- ¹⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Ф. РАК. Оп. 888. Д. 125. Л. 150 об.
- ¹⁵ *Окунь С.Б.* Указ. раб. С. 60.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Гл. Архив 1–7. 1802 г. Оп. 6. Д. 1. Папка № 35. Л. 155.
- ¹⁷ Российский государственный исторический архив. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1243. Л. 2–9.
- ¹⁸ *Хлебников К.Т.* Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., введ. и коммент. Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой. Л., 1979. С. 144.
- ¹⁹ См.: *Устав РАК 1844 г.*, § 176 // *Тихменев П.А.* Указ. раб. Прилож. С. 44.
- ²⁰ *Хлебников К.Т.* Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / Сост., предисл. и коммент. С.Г. Федоровой. М., 1985. С. 63.
- ²¹ Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863. Ч. 1. С. 159.
- ²² *Тихменев П.А.* Указ. раб. Ч. 1. СПб., 1861. С. 76, 319.
- ²³ См. подробности: *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1812. Ч. 2. С. 116–133.
- ²⁴ *Правила РАК 1821 г.*, § 42–56 // *Тихменев П.А.* Указ. раб. Ч. 2. Прилож. С. 55–57.
- ²⁵ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 1375. Оп. 1. Д. 25. Л. 35, 460 об. – 462.
- ²⁶ РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 37. Л. 78 об.
- ²⁷ Там же. Л. 80.

- ²⁸ Тихменев П.А. Указ. раб. Ч. 1. С. 319–322.
- ²⁹ Костливицов С.А. Отчет по обозрению российско-американских колоний Действительного Статского Советника Костливицова // Доклад Комитета... Ч. 2. С. 49–50.
- ³⁰ Там же. С. 87.
- ³¹ Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке / Сост., введ. и прим. Р.Г. Ляпуновой // Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М., 1994. С. 84–85.
- ³² Критику этой концепции см.: Гринев А.В. Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски // *Вопр. истории (далее – ВИ)*. 1994. № 11. С. 163–165.
- ³³ Истомина А.А. Начало создания «общих селений» на острове Кадьяк в Русской Америке (1839–1842 гг.) // *ЭО*. 1998. № 5. С. 121.
- ³⁴ Извлечение из записок Лангсдорфа, 1803–1807 г. // *Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана*. Вып. IV. СПб., 1861. С. 195.
- ³⁵ Тихменев П.А. Указ. раб. Ч. 1. С. 77.
- ³⁶ Там же. Прилож. С. 54–55.
- ³⁷ РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 4. Л. 28 об.
- ³⁸ Гринев А.В. Русская Америка и СССР: удивительные параллели // *Клио*. 1999. № 1. С. 119–127.
- ³⁹ Там же. Л. 29.
- ⁴⁰ Окунь С.Б. Указ. раб. С. 201–202.
- ⁴¹ Там же. С. 201.
- ⁴² Хлебников К.Т. Русская Америка в «записках»... С. 95–96, 99–104.
- ⁴³ Крузеницки И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... на кораблях «Надежда» и «Нева». Ч. 2. СПб., 1812. С. 125.
- ⁴⁴ Костливицов С.А. Указ. раб. С. 106.
- ⁴⁵ Крузеницки И.Ф. Указ. раб. С. 109.
- ⁴⁶ См.: Хлебников К.Т. Русская Америка в «записках»... С. 170.
- ⁴⁷ О политаризме и его истоках подробнее см.: Семенов Ю.И. *Экономическая этнология*. М., 1993. Кн. 1–3 и другие его работы.
- ⁴⁸ См.: Гринев А.В., Ирошников М.П. Россия и политаризм // *ВИ*. 1998. № 7. С. 36–46.
- ⁴⁹ О.Э. Бессонова называет эти отношения «раздаточными». См.: Бессонова О.Э. *Раздаточная экономика как российская традиция // Обществ. науки и современность*. 1994. № 3. С. 37–40.
- ⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 37. Л. 29.
- ⁵¹ Бессонова О.Э. Указ. раб. С. 40–41.
- ⁵² РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 51. Л. 208.
- ⁵³ Там же. Д. 25. Л. 294–295, 356–357.
- ⁵⁴ См. Записки иеромонаха Гедеона... С. 39.
- ⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 37. Л. 251.
- ⁵⁶ Доклад Комитета ... Ч. 1. С. 372; Ч. 2. С. 524.

A.V. Grinev. *Aboriginals of Alaska, Russian traders and Russian-American Company: system of economic relations*

The article's author indicates that the question of developing the New World by the Russian has been attracting lately growing attention on the part of historians, ethnographers, journalists and politicians. But the question of the substantial nature of the Russian colonization of Alaska has remained open as yet.

The article offers an analysis of the socioeconomic relations in Russian America after the setting up of the Russian-American Company. In the author's opinion the selling out of Russian America by Russia was explained by the general state of backwardness in socioeconomic relations existing in the colonies and in the metropolis.